

Н О В Ы Й Г Р А Д

под редакцией

И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова

6

П А Р И Ж

1933

Содержаніе:

	Стр.
<i>Г. Федотов.</i> О національном покаяніи	3
<i>Ф. Степун.</i> Любовь по Марксу	12
<i>М. Цветаева.</i> Эпос и лирика современной Россіи. — Влади- мир Маяковский и Борис Пастернак	28
<i>С. Гессен.</i> Судьба коммунистическаго идеала образования ..	42
<i>П. Михайлов.</i> Размышленія у врат Новаго Града	60

С в о б о д н а я т р и б у н а

<i>Е. Кускова.</i> Инициатива дѣйствій	68
--	----

И д е и и ж и з н ь

<i>Мон. Марія (Скобцова).</i> Крест и серп с молотом. — <i>Б. Из-</i> <i>болдин.</i> Нѣмецкіе экономисты о совѣтском хозяйствѣ. — <i>Г. Федотов.</i> Цореволюціонная пресса	78
---	----

К н и г и

<i>Б. Изболдин.</i> W. Koch. Die bolschewistische Gewerkschaften. — <i>П. М. Савицкій.</i> Мѣсторазвитіе русской промышленности. — <i>С. Жаба.</i> Вишняк. Всероссійское Учредительное Собраніе	91
---	----

О национальном покаянии

И ликует, сдвѣясь над тобой, сатана,
Что была ты Христовой звана.

В. Иванов (Cor ardens).

Быть может, религиозная судьба Россіи сейчас лишена того, что называется общественной актуальностью. Внѣшне побѣжденная, религія в Россіи загнана в подполье. Вѣрность церкви, участіе в ея жизни равносильны отказу от внѣшней не только политической, но и профессиональной работы. Соціальные процессы, совершающіеся в Россіи, приобрѣли столь оголенно-материальный, стихійный характер, что кажется трудно внести в ихъ безчеловѣчную механику такой невѣсомый, такой «ирреальный» момент, как религиозная вѣра христіанскаго остатка. Огромное множество живущих и дѣйствующих в Россіи людей, особенно молодых, вѣроятно, просто не замѣчаютъ явленія религиозной жизни; во всякомъ случаѣ не относятся к нему серьезно. Утверждать при этом, что паденіе большевиковъ необходимо связано с религиознымъ возрожденіемъ Россіи, кажется нестерпимой фальшью. Большевизмъ можетъ пасть от саморазложенія своей идеи, от сопротивленія экономической «стихіи» — гораздо раньше, чѣмъ религиозность в Россіи станетъ замѣтной общественной величиной.

Но совершенно иначе встанетъ вопросъ, когда мы от разрушенія большевизма перейдемъ къ возстановленію Россіи. Россія для насъ — не голое «мѣсторазвитіе», не условное имя Восточно-Европейской равнины с конгломератомъ народностей, вовлеченныхъ в техническую цивилизацію Запада. Представимъ себѣ, что намъ суждено вернуться в освобожденную Россію и работать для нея остатокъ нашихъ дней. Что мы увидимъ, что мы узнаемъ от Россіи? Культура, моральный облик, самая внѣшность, от одежды до физическаго типа людей (отяжелѣвшаго, заострившагося) такъ измѣнились, что мы можемъ не признать в нихъ своихъ, какъ они в насъ. Что же останется от Россіи?

Язык? — но столь переродившийся, что каждое слово будет мучительно рѣзать ухо. Земля? — единственно неизмѣнная, всегда любимая... но которая может стать для нас кладбищем, гдѣ, среди развалин и исторических памятников, нам останется только плакать о Россіи. Среди «младого, незнакомаго» племени утѣшит ли нас горяжа американскаго строительства, самодовольство грошеваго просвѣщенія, даже физическое здоровье новой, грубой расы — утѣшат ли они в гибели того, что мы всѣ, даже не вѣрующіе в онтологическій смысл этого слова, называли душой Россіи? Эту душу мы ощущали безотчетно в каждой интонаціи родной рѣчи, в том, что просвѣчивало сквозь тѣлесно-зримую оболочку русскаго этнографическаго типа и, сопоставляя это «безотчетное» с тѣм, что мы считали самым подлинным, самым русским в нашей культурѣ, мы спокойно констатировали их тождество. Народ и его культура были единым. Народ творил культуру.

Не трудно видѣть, что и эта культура и душа этого народа были существенно христіанскими. Вся русская литература XIX вѣка, в основном своем руслѣ, да и почти во всѣх своих побѣгах, — была, по крайней мѣрѣ в этическом смыслѣ, христіанской. Для Запада это бросалось в глаза с полной ясностью: та любовь и состраданіе, та жертва и нисхождение, в которых иностранцы видят лаос русской литературы, безспорно принадлежат к христіанскому наслѣдію в уже дехристіанизированной культурной средѣ. Можно уточнить и дальше и признать не только христіанскій, но и восточно-православный характер этой культуры. Признать родство русской интеллигенціи, даже в безбожном ея станѣ (а, может быть, особенно в безбожном), с типом древне-русской религіозности. Подвижники, юродивые, страстотерпцы обернулись отропченцами, народниками, мучениками за волю и счастье народа. Хотя отступничество от имени Христа не прошло и для них даром. Мрачныя тѣни легли на иконописные лики безбожных праведников. Искаженіе, потом разложеніе христіанской души уже начиналось — в діалектикѣ революціи.

В большевизмѣ этот процесс разложенія закончился. Ему удалось воспитать поколѣніе, для котораго уже нѣтъ цѣнности человѣческой души — ни своей, ни чужой. Убить человѣка —

все равно, что раздавить клопа. Любовь — случка животных, чистота — смѣшной вздор, истина — классовый или партійный утилитаризм. Когда схлынет волна революціоннаго коллективизма, эта «мораль» станет на службу личнаго эгоизма. Французская революція была не менѣ грандіозной, планетарной, эсхагологической. Но когда волны ея потопа вошли в берега, на де-христіанизированной землѣ поднялся и процвѣл мѣшанин — расчетливый и скопидомный стяжатель. Судьба обезбоженной Россіи будет ли иной? Если чисто буржуазное мѣшанство в наш вѣкъ как будто невозможно, то остаются другія формы: мѣшанство огосударствленное, мѣшанство смѣшанное, — наконец, мѣшанство социалистическое. Но и мѣшанство не послѣдняя ступень человѣческаго паденія. Человѣкъ без Бога не может остаться человѣком. Обезбоженный человѣкъ становится звѣрем — в борьбѣ — или домашним животным — в укрощенной цивилизаціи.

Культура — эти сгустки накопленных цѣнностей — замедляет процесс бестіализаціи обезбоженнаго человѣка, задерживая его в этических, эстетических планах человѣческой душевности. Вот почему слабость культурной прослойки в русской жизни безошадно оголяет звѣря. Прошедшій через революцію русскій человѣкъ быстро теряет не только національное, но и человѣческое лицо.

Но если это так, то возстановленіе Россіи, мыслимой, как національное и культурное единство, невозможно без возстановленія в ней христіанства, без возвращенія ея к христіанству, как основѣ ея душевно-духовнаго міра. При всякой иной — даже христіанской, но не православной — религіи, это будет уже не Россія. Без религіи — это не нація, а человѣческое мѣсиво, глина, из которой можно лѣпить все, что угодно, камень, дерево, металл, который можно дробить на какія угодно части. Имена Евразіи, Восточно-Европейскаго государства и т. п. уже указывают возможныя формы ея гибели.

Это новое крещеніе Россіи, конечно, может совершиться только силами ея христіанскаго остатка. Он существует. Мы не только вѣрим в него, но и знаем о нем. Он носит в себѣ образ и форму будущей Россіи — если ей суждено возродиться.

Если? — Возможно ли здѣсь сомнѣніе? Не преступно ли самое сомнѣніе?

Есть два рода сомнѣнія. Одно разлагает, убивает мужество, зовет к бездѣйствію. Иное — сомнѣніе борца. В сущности — не сомнѣніе, а сознание опасности, которое заставляет напечь всѣ силы в борьбѣ за безцѣнное благо, поставленное на карту. В борьбѣ, напротив, безопасность, наивная увѣренность в успѣхѣ является нерѣдко источником поражений. Римскій сенат когда-то благодарил консула, легкомысленно погубившаго свое войско в сраженіи с Ганнибалом: «Варрон не отчаялся в спасеніи отечества». Среди обуревающаго многих безвѣрія и пессимизма хочется привѣтствовать вѣру в Россію пореволюціоннаго поколѣнія. Бѣда лишь в том, что борьба наша не с внѣшним, а с внутренним, прежде всего духовным врагом. Презирать его — значит открыть ему двери. Читая страницы нѣкоторых наших мессіанистов, нельзя отдѣлаться от ощущенія, что Ганнибал не у ворот, а в стѣнах города.

В недавно вышедшем романѣ Таманина «Отечество» автор сводит религіозные счеты с Россіей. Его герой, пройдя сквозь муки первых большевистских лѣтъ, приходит к религіозному просвѣтленію и вмѣстѣ с тѣм к преодолѣнію своего природнаго, натуральнаго націонализма. В этом я готов видѣть положительный смысл идеологическаго романа. Зато страшным и религіозно необоснованным мнѣ представляется его разрыв с Россіей: «Не знаю, откуда это чувство, даже почти увѣренность, — что она погибла... Не строй погиб, а страна, русская нація». И еще: «Наших мученій ни одно государственное устройство уже не стоит. А родина стоит ли? Когда-то от обольщенія родиной погиб цѣлый народ. И перед нами то же, как во дни Тиверіа: опять страшный выбор между родиной и Богом сдѣлать надо».

Не знаю, какое право имѣет автор (хотя бы устами героя), говорить о совершившейся гибели Россіи. К тому же слова эти относятся к тѣм годам, когда сопротивление Россіи коммунизму носило героическія формы: в военной борьбѣ и христіанском мученичествѣ и мужественном сопротивленіи большей и лучшей части интеллигенціи. С тѣх пор многое измѣнилось — к худшему. Сжался, порѣдѣлъ вѣрный остаток... И все же, пока он существует, пока духовная борьба за душу Россіи не прекра-

тилась, мы не можем говорить о гибели Россіи. Таманин сказал громко лишь то, что про себя шепчут многіе в эмиграціи: оттого и бѣгут в иностранное подданство, в католичество, в чужую жизнь.

Честь молодежи, которая не поддалась малодушію и, наперекор всему, не потеряла вѣру в Россію. Однако и ей есть к чему прислушаться в словах Таманинскаго героя. Выбор между родиной и Богом все-таки нужно сдѣлать. Хотя бы для того, чтобы возстановить истинную іерархію цѣнностей, — чтобы не в одном духѣ и смыслѣ произносить соблазнительныя слова: «за вѣру и отечество» (для другихъ еще и «царя»).

Христосъ требуетъ жертвы, — самымъ дорогимъ и священнымъ, что есть у человѣка: отцомъ и матерью, слѣдовательно, и родиной. Такъ какъ Онъ есть вѣчная жизнь то ничто живое в Немъ не погибаетъ. Онъ вернетъ человѣку мать и отца, вернетъ и родину, но вернетъ иными, для иной, болѣе чистой любви. Любовь во Христѣ есть любовь къ идеальному образу любимаго лица. Она не исключаетъ и плотской теплоты и служенія цѣлостному душевно-тѣлесному существу, но она подчиняетъ все низшее, хотя бы и оправданное, хотя бы и прекрасное, духовному образу. Христіанская любовь къ родинѣ не можетъ ставить высшей цѣлью служеніе ея интересамъ и ея могуществу — но ея духовный рост, творчество, просвѣтленіе, святость.

Впрочемъ все это охотно признается современнымъ мессіанствомъ. Вѣдь, и для него высшее — духовное призваніе Россіи — благая вѣсть, которую она несетъ міру. Соблазнъ русскаго мессіанства в другомъ: прежде всего, в гордости своего призванія.

Гордость призванія! И какого призванія... Какъ будто такое призваніе можно носить легко и удобно, какъ хорошо сшитое платье. Такое призваніе, если только помнить о немъ, — жерновомъ ляжетъ на плечи, броситъ крестомъ на землю, пронзитъ сердце кровоточащей раной. Вѣдь, дѣло идетъ не о чемъ иномъ, какъ о спасеніи міра. Для христіанскаго сознанія только жертва имѣетъ спасительное значеніе. И такъ какъ эта жертва принесена раз навсегда за весь міръ, то спасеніе теперь можетъ означать лишь принятіе этой Голгоѣской жертвы, лишь соучастіе в ней. Такъ правильно понялъ свое призваніе польскій мессіанизмъ, основав-

шей свою вѣру в Мессію-Польшу на безмѣрности ея страданій и ея вѣры.

Я думаю, что и польскій мессіанизм был неправ. Ибо в христіанском мірѣ не может быть народов-мессій, спасающих челоѡчество. Каждый народ, спасая себя, участвует в общем спасеніи — имѣет свое, хотя и неравное по дарам и значенію, призваніе — миссію. Но, если когда-нибудь был мессіанизм о т н о с и т е л ь н о оправданный, то это мессіанизм польскій.

Русскому мессіанизму всегда не хватало одного из двух существенных моментов, или страданія (в прошлом), или вѣрности (в настоящем). Впрочем, русскіе славянофилы, с присущим им религіозным тактом, никогда не говорили о мессіанизмѣ Россіи. Однако, многое из этой польско-католической идеи переносилось ими на Россію. Россія, спасающая мір, — такова была их эсхатологическая утопія. Христіанская неправда ея была в том, что Россія мыслилась ими во всеоружіи своей государственной мощи и славы. Жертвенное спасеніе подмѣнялось империализмом Кесаря. Младшее поколѣніе славянофилов стало жертвой этого грубаго нехристіанскаго соблазна и этим сорвало дѣло православнаго возрожденія в Россіи. Достоевскій-публицист именно здѣсь предает художника-провидца.

С тѣх пор утекли океаны воды. Совершилось, — вѣрнѣе обнажилось во-очію — религіозное отступничество Россіи. Когда-то один из самых чутких глашатаев нашего христіанскаго возрожденія вопрошал Россію:

Каким ты хочешь быть Востоком,
Востоком Ксеркса иль Христа?

Уже поколѣніе Александра III дало на этот вопрос ясный, хотя и безсознательный отвѣт. Идеал правды был принесен в жертву слаѡ и мощи. Стилизованный по-православному Ксеркс стал идеалом православнаго царя и всего русскаго мнимо-христіанскаго націонализма. Отступничество революціи было превосхищено давно — Леонтьевым и Данилевским. Большевизм, сорвав всѣ маски, строит Россію Ксеркса.

Если трудно издали видѣть Россію, судить о происходящих в ней социальных и культурных процессах, то еще труднѣе су:

дять о совершающемся в ея духовной глубинѣ. Во всяком случаѣ, нѣтъ ничего, что бы оправдывало безответственное ликованіе. Кричать сейчас о побѣдѣ христіанства в Россіи—все равно, что затягивать свадебную пѣсню на похорнах. Правящая, активная, молодая Россія, насчитывающая во всяком случаѣ миллионы... глоток, гонит христіанство с яростью одержимаго. Горсть мучеников умирает в каторжных тюрьмах и ссылкѣ. Масса не поднимается на защиту ея вчерашних святыхъ. Звѣриная борьба за жизнь поглощает ее всецѣло. Трудно судить, остается ли еще уголок в ея душѣ, доступный нездѣшнему Слову. Можетъ быть, еще как вздох о невозвратном, утраченном и невозможном...

Как бы ни оцѣнивать силы борющихся сторон, ясно одно. Сейчас происходит отчаянная борьба за душу Россіи и ея духовную судьбу. Сколько праведников спасают Содомъ? Кто сочтет? В руках архангела повисли вѣсы над бездной, и чашка их колеблется под тяжестью бѣдныхъ человѣческихъ душ. Таково должно быть наше воспріятіе совершающагося. Это страшно. Это страшнѣе, чѣм у постели тяжело больного в час кризиса. И в этот час — молчанія и молитвы — кощунственна осанна іерехонскихъ труб, неумѣстны торжественные гимны на тему: «С нами Бог! Разумѣйте, языци, и покоряйтесь»...

Если же не молчаніе, а слово, то о чемъ? Какое слово можетъ быть религіозно дѣйственно, можетъ помочь спасительному выходу из кризиса? Только одно: вѣчное слово о покаяніи.

Покаяніе — ужас и отвращеніе к себѣ («и трепещу и проклинаю»), ненависть к прошлому, черта, рубезъ, удар ножа, — новое рожденіе, новая жизнь... *Incipit vita nova.*

Почему Россія — христіанская Россія — забыла о покаяніи? Я говорю о покаяніи національном, конечно. Было ли когда-нибудь христіанское поколѣніе, христіанскій народ, который, перед лицом историческихъ катастроф, не видѣлъ в них карающей руки, не сводил бы счеты со своей совѣстью. На другой день послѣ татарскаго погрома, русскіе проповѣдники и книжники, оплакивая погибшую Русь, обличали ея грѣхи... Жозеф де-Мэстр видѣлъ в революціи суд Божій. А в православной Россіи не нашлось пророческаго обличающаго голоса, которій показал бы нашу вину в нашей гибели. Это безчувствіе національной

совѣсти само по себѣ является самым сильным симптомом болѣзни. Пореволуціонные націоналисты в этом отношеніи, как двѣ капли воды, похожи на своих отцов: націоналистов школы Александра III. Если от послѣдних христіанская совѣсть требует покаянія в грѣхах старой Россіи, то от первых, стоящих на почвѣ революціи, требуется покаяніе в ея грѣхах. Каково должно быть пореволуціонное христіанское сознание? Оно прежде всего исполнено ужаса перед революціей, как своим грѣхом, грѣхом своего народа, и стремленія начать новую жизнь, чистую от кровавых воспоминаній, хотя и на почвѣ, политой кровью, в условіях, созданных революціей.

Вмѣсто этого христіане говорят о переключеніи революціонной энергіи. Это значит: та ярость, та одержимость злобы, которая сегодня направлены на построеніе классового и безбожнаго Интернаціонала, завтра будут направлены на созиданіе національной и православной Россіи. Какой кошмар! Рука, убивающая сегодня кулаков и буржуев, завтра будет убивать евреев и инородцев. А черная человѣческая душа останется такой же, как была: нѣтъ, станет еще чернѣе...

Я знаю, что ничего такого не хотят пореволуціонные христіане. Но, не требуя покаянія, но, преклоняясь перед разливом революціонных стихій, такое будущее они готовят. Самое страшное, что в этой перспективѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Ненависть, больная и ослѣпляющая, как и манія преслѣдованія, легко могут измѣнять свой объект. Народ, который за нѣсколько лѣтъ до революціи избивал социалистов, стал избивать буржуев, — оставшись в сущности самим собой. Если отвлечься от религіозной темы, то переключеніе революціонной энергіи в національную — самое обыкновенное явленіе. Наполеон вырастает из Дантона, как Муссоліни из Гарибальди. Только никакими переключеніями зла нельзя получить ни скрупула добра. Оцерковленное, оправославленное зло гораздо страшнѣе откровеннаго анти-христіанства.

Безконечно тяжело, что наше національное возрожденіе хотят начинать, вмѣсто плача Іереміи, с гордой проповѣди Филооея. Бѣдный старец Филооей, который уже раз отравил русское религіозное сознание хмелем національной гордыни. Поколѣніе Филооея, гордое даровым, незаработанным наслѣдіем Византіи,